

ПРАВДА О ЗОЛУШКЕ

Светлана Лютова

Лет десяти я любила, когда никого не было дома, выволочь с антресолей древний чемодан и, достав оттуда пару старомодных туфель на высоком каблучке, щеголять в них. Мне, 10-летней, эти кожаные туфельки цвета какао были впору, поэтому никому, кроме Золушки, принадлежать не могли. Золушку, между тем, звали Ксенией, и была она моей прабабкой.

В самом начале XX в. Золушка торговала в одной из лавочек провинциального города. Девочкой она перенесла оспу, отчего природная миловидность её несколько пострадала. Впору, действительно, было счесть себя Золушкой, однако Ксения не намерена была вечно сидеть на ящике с золой.

И вот в один прекрасный день в её лавочку забрёл Принц. Её принц! – поняла Золушка и безбожно обсчитала покупателя (ну... чтобы привлечь внимание). А Принц был такой юный и застенчивый, что покраснел и ничего не сказал. И во второй раз, и в третий ничего не сказал, только почему-то зачастил в лавочку, где трудилась его хитрая Золушка.

Обута ли была Ксения уже тогда в миниатюрный подарок феи, который я в детстве тайно донашивала, и он ли принёс ей удачу, не знаю. Но вскоре Золушка и впрямь сделалась... принцессой не принцессой, но дворянкой, по мужу. Стала носить модные шляпки и узкие ботинки с высокой шнуровкой, стала давать Принцевым детям изысканные, на её взгляд, имена: Кесарь, Олег, Гали (последний номер, правда, не прошёл, и бабушку мою всё-таки крестили Галиной)...

Золушке было тридцать шесть, когда «грянула Революция». Во дворянстве пребывая, Ксения не охладела к торговле, а завела магазинчик, который теперь Революция у неё экспроприировала. Правда, вскоре, когда дело стало разваливаться, Ксению Петровну пришли просить взять его в свои руки снова, но уж она отказалась: были теперь дела поважнее.

Ясно, что «принцами» оставаться мужу и детям не следовало, и Ксения, используя «пролетарские» связи брата, выправила моему прадеду крестьянское происхождение (что позже позволило Принцу беззаботно заведовать павильоном на ВДНХ). Сама же Золушка, прикрыв корону кумачовой косынкой, сделалась депутатом районного Совета «от домохозяек», как значится в её удостоверении, дожившем до наших дней.

Ксения, действительно, хотела, чтобы всё было по справедливости (она и замуж, собственно, вышла, чтобы восстановить справедливость в своей судьбе). Это именно её звали рассудить споры соседи. Своё чувство справедливости она передала детям.

С сыном Кесарем, например, связан трагический анекдот. В Гражданскую, в лютый московский голод, Ксения ходила по деревням, выменивая на калачи свои и Принца довоенные сокровища (как и положено, час пробил – золотая карета обернулась тыквой, кажется, только туфельки и уцелели от призрачного бала Ксюшиной молодости). Так вот, однажды, довольная созданным ею хлебным запасом, Ксения отлучилась из дому. А когда вернулась, застала своего 10-летнего Кесаря в толпе мальчишек, которых тот (в самом деле по-царски!) оделял калачами: «Теперь по целому не хватит, буду давать по половине!».

Ксения, действительно, хотела, чтобы всё было по справедливости: как депутат Совета она, опытная в торговле, занялась ревизией. Кажется, первый раз в жизни прабабка совершила нечто не из прагматизма, а из романтических соображений. О том, что мотивы были именно таковы, свидетельствует второй и последний её романтический поступок: обнаружив в нэпмановских торгашах старые, как мир, человеческие страсти (к мошенничеству и подкупу), Золушка разочарованно сняла с себя кумач вместе с ревизорскими и, кажется, депутатскими полномочиями.

Отныне благополучие большой семьи, где Ксения пользовалась непререкаемым авторитетом, стало её единственной заботой. А когда Золушке исполнилось шестьдесят, жизнь послала ей новые испытания.

«Война значит голод», – сказала Ксения 22 июня 1941 г. и взялась за дело. Её дочь (моя бабушка) тогда только что блестяще закончила институт, за что была удостоена солидной денежной премии. Все эти деньги Ксения пустила на закупку консервов, которыми в первые дни войны ещё полнились московские прилавки. А осенью, проводив на фронт младшего, любимого, сына, Ксения вывезла семьи своих детей на колхозные огороды – собрать прикорневые капустные листья, оставленные там после сбора кочанов.

Так пикантное блюдо «крабы с квашеной капустой» да собственный огород, разбитый Ксенией в их полудеревенском Черкизове, поддержали семью в первые годы войны.

– Ба, вы в войну голодали, да? – сочувственно спросила я как-то раз бабушку, наслышавшись об ужасах тех лет.

– Нет, – ответила бабушка (к моему, помнится, детскому разочарованию).

Но, благодаря Ксении Петровне, прабабке моей, были с хлебом не только её родичи, но и соседи: в войну она наладила в Черкизове подпольное трикотажное производство. Добыли вязальные машины, пряжу, готовые вещи меняли на продукты. Не голодали!

Дело росло, от него перепадало и тем, кто работать не мог. Однажды, зайдя к старенькой соседке, церковной певчей, Ксения застала ту за варкой картофельных очисток. «Парасёночку?» – «Нет, это я себе». Тотчас Ксения пригласила старушку в крёстные к внучке, будто затем и пришла. После, конечно, последовало куме довольствие, новому званию приличествующее.

И после войны дело, Ксенией созданное, кормило многих, пока его не вычислила-таки Фининспекция. Именно за этот «кустарный промысел» едва не угодил в тюрьму вернувшийся с фронта Олег, уже в 50-е, когда Ксении не стало.

Почти до семидесяти лет, пережив своего Принца, Золушка трудилась не покладая рук, хоть сердце её и стало пошаливать. Вот однажды приснилась ей мать, давно покойная. Хвалила место, где теперь поселилась, в гости звала.

– Не могу: дел много! – отказывалась во сне Ксения.

– Ну, тогда весной приходи, когда черёмуха зацветёт. У нас чудо как хорошо, когда черёмуха в цвету! – наказала матушка.

И Ксения послушалась: как черёмуха зацвела, сердце её вдруг остановилось. Отдыхает теперь, поди, в райских, родительских черёмушных садах...

С матушкой, с бабушкой... Сколько их, утративших во мгле времён имена, матерей в череде рода? Сколько их, чьими чарами, разумением, силой воли и рук, чьими заботами и молитвой вытолкнуты в XXI век МЫ – на поверхность из омуты человеческой истории, сквозь все неурожаи, сквозь все моры и войны прошлого?!

Вот подлинная история Золушки.

А зачем понадобился Принц? Нет, Ксения не ошиблась в выборе, хоть, правда, и не учла, к 1905 г. уже назревшую, «революционную ситуацию». От «принца» Бориса достались его детям красота и лёгкость в постижении наук (их потомки по сей день играючи срывают красные дипломы). Думаю, что у меня от Бориса Петровича – беглость пера и уверенный штрих карандашный: прадед, точно, писал, а двоюродный дед Кесарь рисовал недурно (как и я, тому не учась).